

Кудаева З. Ж. Жанровые свойства и типы адыгских топонимических преданий / З. Ж. Кудаева, Л. С. Хагожеева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 230—242. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-230-242.

Kudaeva, Z. Zh., Khagozheeva, L. S. (2020). Genre Features and Types of Adyge Toponymic Legends. *Nauchnyi dialog*, 8: 230-242. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-230-242. (In Russ.).

УДК 398.2(=352.3)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-230-242

ЖАНРОВЫЕ СВОЙСТВА И ТИПЫ АДЫГСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

© **Кудаева Зинаида Жантемировна (2020)**, orcid.org/0000-0002-0255-4432, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (Нальчик, КБР, Россия), zina_777@bk.ru.

© **Хагожеева Лиана Славовна (2020)**, orcid.org/0000-0003-1811-5183, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора, Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр “Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН) (Нальчик, КБР, Россия), liana1771@mail.ru.

Исследуются адыгские топонимические предания. Актуальность работы состоит в том, что она обращена к одной из сложных теоретических проблем современной отечественной фольклористики — определению дифференцирующих жанровых признаков произведений устной народной прозы. Авторы исходят из того, что выявление жанровых характеристик адыгских топонимических преданий должно способствовать созданию обобщающей жанровой системы адыгской народной несказочной прозы. Новизна исследования состоит в определении жанровых признаков адыгских топонимических преданий и их классификации. В континууме адыгских топонимических преданий выделены две группы: предания первой группы архаичны, они повествуют о событиях отдаленного прошлого и известны в пределах всей этнической территории. Показано, что сюжет этого типа преданий развернут, усложнен и включает ряд дополнительных мотивов — историю миграции и заселения народом нынешних территорий, генеалогические экскурсы. Отмечается, что другая группа топонимических преданий связана с событиями недавнего прошлого и обладает узкой локальной приуроченностью. Маркером исторической достоверности описываемых фактов и событий является указание на реальных исторических лиц, выступающих в качестве персонажей предания. Утверждается, что сюжет этого типа преданий не развит, они, как правило, одноэпизодны, а ареал распространения данной группы преданий ограничен, как правило, пределами одного населенного пункта.

Ключевые слова: фольклор; адыги; топонимические предания; классификация; мотив.

1. Введение

Адыгская народная несказочная проза, ее жанровый состав и классификация входящих в нее жанров остается одной из дискуссионных и актуальных проблем адыгской фольклористики. Жанры адыгской народной несказочной прозы представляют собой определенную, условно выделяемую и взаимопроницающую жанровую систему. Исследование входящих в нее жанров и жанровых разновидностей, выявление дифференцирующих жанровых характеристик составляющих ее элементов, изучение специфических и общих особенностей каждого из входящих в нее жанров лежат в русле основных направлений исследований отечественной науки о фольклоре. «Для каждого народа, — отмечал в связи с этим В. Я. Пропп, — нужно установить жанровый состав его фольклора и дать определение всех жанров [Пропп, 1976, с. 39].

Топонимические предания непосредственно связаны с национальной культурой, историей, мировоззрением создавшего их этноса. Они представляют собой один из важных источников для понимания исторического прошлого народа, путей его миграции и освоения этнических территорий. Адыгские топонимические предания как жанр несказочной прозы не становились предметом специального изучения. В связи с этим исследование адыгских топонимических преданий, выявление их жанровых особенностей и классификация должны стать одним из этапов решения обозначенной проблемы и способствовать созданию обобщающего представления о жанровой системе адыгской несказочной прозы, ее составе, общих и специфических характеристиках составляющих ее элементов. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что «жанры фольклора представляют собой не изолированную, а взаимопроницаемую систему, компоненты которой находятся в постоянном движении — как в плане синхроническом — внутрижанровое проникновение, трансформация, так и в диахроническом» [Кудаева, 2006, с. 5].

2. Изучение топонимических преданий в отечественной фольклористике

В отечественной фольклористике доминирующим является представление о топонимических преданиях как об одной из жанровых разновидностей народной прозы, которые противопоставляются преданиям собственно историческим [Соколова, 1972 и др.]. Вместе с тем существует также точка зрения, согласно которой это разграничение представляется достаточно условным. В частности, Н. А. Криничная считает, что понятия «исторический» и «топонимический» применительно к данным жанрам соотносятся друг с другом как общее и частное. «Топонимическое предание, — отмечает Н. А. Криничная, — в такой же степени исторично, как и

всякое другое предание. С другой стороны, многие “исторические” предания заключают в себе тот или иной топонимический мотив, что не наносит ущерба их историчности. Топонимическим может быть названо не столько само произведение, сколько содержащийся в нем мотив» [Криничная, 1987, с. 70]. Такая точка зрения не вносит ясности в определение границ топонимических преданий, обладающих ярко выраженной функцией объяснения названия того или иного географического объекта.

В отечественной фольклористике изучение топонимических преданий велось в различных направлениях. Так, например, В. К. Соколова выявляет различные типы топонимов [Соколова, 1972, с. 202—233], в труде И. А. Голованова изучаются мифологические мотивы в топонимических преданиях [Голованова, 2008, с. 26—33; Голованова, 2009], В. В. Сокил исследует сюжетно-тематический состав топонимических преданий, выявляет генетическую связь, национальную и региональную специфику сюжетов, мотивов, образов карпатских преданий с преданиями украинцев и в целом славянских народов, определяет жанровые и стилевые признаки преданий [Сокил, 1990]. В работе В. П. Кругляшовой представлена классификация жанров несказочной прозы, исследуются сюжеты, персонажи и функции преданий уральского горнозаводского фольклора [Кругляшова, 1974]. В работе Л. А. Климковой исследуется роль преданий в фольклорной картине мира [Климкова, 2015, с. 12—19].

Топонимические предания становятся объектом исследования лингвистов [Березович, 2010; Дмитриева, 2006; Тихонова, 2016, с. 223—230], этнографов, историков [Корусенко, 2000; Кузеев, 1968 и др.]. Е. Л. Березович анализирует способы взаимодействия топонимической системы и устной словесной традиции [Березович, 2010], изучает способы и формы преломления фольклорным художественным сознанием исторической основы предания [Березович, 2015, с. 108—133].

Топонимические предания исследуются отечественными фольклористами как элемент регионального фольклора [Голованов, 2009; Лазарев, 1970], как жанровая составляющая локальной этнической устной традиции. Так, например, классификации осетинских преданий посвящена статья С. З. Габисовой [Габисова, 1992, с. 115—134], дагестанские топонимические предания исследуются в статье М. М. Курбанова [Курбанов, 2008, с. 12—18], изучение карачаево-балкарских топонимических преданий предпринято Б. А. Берберовым [Берберов, 2019, с. 77—83] и т. д.

В адыгской фольклористике к проблеме изучения и классификации жанров устной несказочной прозы обращались А. И. Алиева [Алиева, 1974, с. 179—185], Ш. Х. Хут [Хут, 1989], А. А. Ципинов [Ципинов,

2000], З. Ж. Кудалева [Кудалева, 2018; Кудалева, 2019]. Одна из первых попыток классификации народной прозы предпринята в статьях А. И. Алиевой [Алиева, 1974, с. 179—185; Алиева, 1988, с. 237—264], которая наряду с этнонимическими, этногенетическими, историческими преданиями выделяет «топонимические хабары» (*хъыбар* — каб.-черк. ‘предание’) [Алиева, 1988, с. 237—264]. Ш. Х. Хут разделяет топонимические предания на историко-героические, нартские и семейно-бытовые [Хут, 1989]. В своем исследовании, посвященном народной исторической прозе, А. А. Ципинов [Ципинов, 2000] вслед за Н. А. Криничной [Криничная, 1987] рассматривает адыгские топонимические предания не в качестве отдельного жанра или жанровой разновидности, а «как сюжетно-тематическую группу» в составе исторических преданий, в которых топонимический мотив «играет главную, сюжетообразующую роль» [Ципинов, 2000, с. 85].

Очевидно, что в адыгской фольклористике отсутствует общепринятое представление о топонимических преданиях как о континууме текстов, обладающих общими жанровыми свойствами. С одной стороны, в работе Ш. Х. Хута [Хут, 1989] топонимические предания представлены в расширительном толковании, включающем сюжеты о героях и персонажах нартского эпоса; с другой — не рассматриваются как отдельное жанровое образование [Ципинов, 2000]. В связи с этим представляется необходимым определить место и роль топонимических преданий в системе жанров адыгской несказочной прозы, выявить их дифференцирующие жанровые признаки и свойства.

3. Жанровые характеристики адыгских топонимических преданий

Адыгские топонимические предания представляют собой одну из жанровых разновидностей адыгской исторической прозы. Общими, «родовыми» признаками народной исторической прозы, согласно мнению большинства исследователей, являются присущий ей историзм, а также установка на достоверность. Наряду с этим в качестве определяющих критериев для дифференциации жанров несказочной прозы исследователи выдвигают также предметно-тематический принцип, отношение к действительности и доминирующий характер информативной или эстетической функций. «Доминантная функция, определяющая структуру произведения, — отмечает Э. В. Померанцева, — является наиболее достоверным признаком рода устной народной прозы. В зависимости от нее сообщения, совпадающие по сюжету, могут относиться к разным жанрам и даже родам прозы» [Померанцева, 1975, с. 75—81].

Однако наряду с перечисленными критериями адыгские топонимические предания обладают признаками, позволяющими рассматривать их

в качестве отдельной жанровой разновидности народной исторической прозы. Это, прежде всего, специфическая функция, заключающаяся в объяснении названия и описании истории возникновения того или иного топонимического объекта, определяющая доминирующий, сюжетообразующий характер топонимического мотива в структуре текста.

4. Классификация адыгских топонимических преданий

В составе адыгских топонимических преданий можно выделить две группы: (а) ранние, архаические предания, которые описывают события, относящиеся к отдаленному прошлому, и, как правило, содержат дополнительные мотивы (генеалогические и т. д.); (б) предания, соотносящиеся с событиями недавнего прошлого, предметом описания которых являются микротопонимические объекты.

К наиболее архаичным адыгским топонимическим преданиям относятся предания об истории расселения и освоения этнической территории: «“Къэбэрдей” щыфлащар» («Почему назвали “Кабарда”»); «Тамбийр кыздиқар» («Откуда появился Тамбиев»); «Къэбэрдейр кыздиқар» («Откуда пошло [название] Кабарда»); «Къэбэрдейм и тхыдэ» («История Кабарды»); «Къэбардэ и къуэ Къэбардэ» («Кабарда сын Кабарды»); «Тамбий Къэбардэ и таурыхъ» («Предание о Кабарде Тамбиеве») и др. Как и во многих других этнических традициях, история освоения этнической территории соотносится с именем первопоселенца, основателя. *Мы щыпІэм япэ къитІысхъар Тамбий и къуэ Къэбардэрц* (На этой земле первым поселился Кабарда, сын Тамбия) («Къэбэрдейр кыздиқар» / «Откуда появилась Кабарда») [Адыгэ Іуэрыуатэхэр, 1969, с. 56]. *Къэбэрдейм ипэкІэ “КъэбэрдейкІэ” еджу щытакъым*. <...> *Тамбийхэ яцыщу Къэбардэ жалари зы нахъ лыфІ гуэр яхэтти, жылэр абы елъІуащ ежъэу щыпсэуну щыпІэ нэхъыфІуэ къахуилъыхъуэну* (Вначале Кабарда не называлась “Кабардой”. <...> Среди них был один славный мужчина Кабарда из рода Тамбиевых, и люди попросили его отправиться на поиски лучшей земли, где они могли бы обосноваться) («Откуда возникло [название] Кабарда» / «Къэбэрдей цІэр кызыхэкІар») [Адыгэ Іуэрыуатэхэр, 1969, с. 56]. «Мотив происхождения географических названий от имен основателей селений, — отмечает Н. А. Криничная, — известен древнейшим произведениям народной исторической прозы, и прежде всего преданиям об основании соседних селений братьями или селения одним первопоселенцем» [Криничная, 1987, с. 71—72].

К этой же группе относятся топонимические предания, в которых описываются общественно значимые культурно-исторические деяния чело- века. Например, в предании «Кыщпэк щыжаІэм и хыбар» («Предание

о том, откуда пошло название Кишпек») рассказывается о происхождении названия реки (и одноименного селения), появление которого связывается с человеком по имени Бек Кишев, проложившим его современное русло.

Для ранних адыгских топонимических преданий характерно присутствие генеалогического мотива. Основная функция генеалогических экскурсов в сюжете топонимического предания состояла в обосновании его исторической достоверности, а также в определении и уточнении хронологических параметров описываемых событий («Мудар и кхъэ нэщI» / «Ложная могила Мудара»; «Откуда пошло название Кабарды»; «Кыщпэк щIыжаIэм и хыбар» / «Предание о том, откуда пошло название Кишпек» и др.): «Название Кабарды берет свое начало от имени Кабарды Тамбиева. <...> Тамбиевы происходят из Мудава [абхазы]» («Откуда пошло название Кабарды») [Кабардинский фольклор, 1936, с. 145].

В ранних топонимических преданиях описываются также маршруты миграции этноса, история освоения им новых земель и расселения на современных территориях («Кыщпек щIыжаIам и хыбар» / «Предание о названии “Кишпек”»; «Откуда пошло название Кабарды»; «Альхъуо Чэркэс» и др.): «Кабарда Тамбиев, Хызроков и Пхытыков втроем переселились из Падиса в Новочеркасск. Поживя там немного, перешли на Лабу, а оттуда передвинулись к Большому Лахрану» [Там же].

Предания, относящиеся ко второй группе, имеют более позднее происхождение и описывают события, относящиеся к относительно недавнему прошлому. Сюжетная организация этого типа преданий «тяготеет к эмбриональным формам» [Аникин, 1972, с. 10], они, как правило, одноэпизодны. Это нарративы, описывающие историю возникновения того или иного микротопонима. Топонимические предания этой группы имеют узкую локальную привязанность, их распространение ограничено ареалом одного населенного пункта. Достоверность описываемых фактов, событий не вызывает ни у рассказчика, ни у слушателя сомнений, поскольку они принадлежат относительно недавнему прошлому и могут быть подтверждены. Например, в предании «Чэримхэ я тIыгъэ» («Прокоп Керимовых»), записанном в с. Нижний Курп, рассказывается история появления прокопа, проложенного сквозь горную гряду мужчиной из рода Керимовых. Семья Керимовых до недавнего времени проживала в селении, и история создания этого топонимического объекта известна не только среди односельчан, этот текст функционирует и в качестве их родового предания.

К этому же типу микротопонимических нарративов относятся «Бгы дыкъуакъуэ» («Раздвоенная скала»), «Шыкхъэ» («Кладбище коней»), у с. Хамидия; «Истребительр шехуэхам» («Место, где упал истребитель»),

Терский район. «Дзыгъуэл и щхьэлыпIэжь» («Мельница Дзыгола»), «Псыфа» («Гнилая вода»), Пенькозавод; «Брам тедзэпIэжь» («Паромные переправы») у с. Хамидия и с. Терекское [Хажуев, 2014, с. 47—48], «Батыр и хуей» с. Лечинкай [Записи Л. С. Хагожеевой].

В составе топонимических преданий можно выделить ряд сюжетно-тематических групп; среди них предания: а) о родниках, источниках, названных в честь тех, кто их открыл («Къазий и псыкъуий» / «Источник Казия», «Хьэ-жым и псынэ» / «Родник Хаджи», «Наурзокъуэхэ я псынащхьэ» / «Источник Наурзоковых», с. Лечинкай); б) о создателях прокопов в холмах, благодаря которым были проложены новые дороги («Чэримхэ я тЫгъэ» / «Прокоп Керимовых»); в) о строителях мостов и переправ («Къарэшей лъэмыж» / «Карачаевский мост», в окрестностях селения Лечинкай); г) о местах старинных поселений и их владельцев («Барцэ и къуэм и щыпIэ» / «Земля сына Барца», с. Лечинкай); д) об исторических событиях, связанных с тем или иным топонимическим объектом (например, предание о горе «ШхьэпцIанэ» / «Лысая голова» у селения Абейкъуажэ — современное Урожайное), где состоялась встреча делегации жителей селения с одним из лидеров антибольшевистского движения на Северном Кавказе генерал-майором Заурбеком Даутоковым-Серебряковым. Согласно преданию, в результате состоявшихся на горе «Лысая голова» переговоров в селении были предотвращены намеченные Даутоковым-Серебряковым репрессии и казни.

Отдельную сюжетно-тематическую группу представляют топонимические предания, связанные с именами известных в тех или иных окрестностях абреков, с их стойбищами и тайными укрытиями («Чеикъуэрэ Сэрэджыкъуэрэ», с. Лечинкай; «Хьеймашцэ»). В топонимическом предании «Хьеймашцэ» описывается необычайно глубокий провал в окрестностях Хабеза, в котором могло бы разместиться небольшое село (... зы хьэблэ цыкIу псэупIэ хуэдиэ мэху) [Адыгэ хьыбархэр, 1986, с. 311]. Внутри провала, в его глубине, находится подземелье или пещера — *бгъуэницIагъ* (каб.-черк.), в котором, как отмечается в предании, может разместиться пастушье становище с овцами [Адыгэ хьыбархэр, 1986, с. 311]. В предании рассказывается, что на месте этого провала было стойбище абреков, которое в одну ночь в наказание за их поступки обрушилось и погребло их вместе с добычей, украденными лошадьми и волами, которых воры здесь прятали. К этому же типу топонимических преданий, обозначавших места тайных убежищ наездников, похитителей скота, относится и предание «Шыдыгъуокъуэ» (с. Лечинкай).

Топонимическое предание «Хьэнахъуэ и Гуашхьэ» («Курган Ханахо») [Адыгэ хьыбархэр, 1986, с. 310—312], бытующее в окрестностях селения Хабез в Карачаево-Черкесии, связано с именем Ханахо — отцом известно-

го адыгского поэта Хусина Гошокова. За курганом закрепилось название «Кургана Ханахо», поскольку якобы обычно в полдень отец поэта располагался вместе со своим стадом на этом кургане и дремал. Однако в сюжете о «Кургане Ханахо» содержится также мотив «захороненных сокровищ»: *Хьэнахьуэ и Гуацхьэм аргуэру хужаIэр тешанкIэ ицIэту. А тешанкIэр мыпхуэдэм ицIац, мобы кьикIац зымы жьыIэу зыхэзмыха. Ауэ ицIэту жаIэ. Лпыжьхэм жаIэу зыхэсахц Хьэнахьуэ и Гуацхьэм дыцэ тешанкIэ ицIэту. ЗыцIар зэхэсахкьым, мыпхуэдэ гьукIэм ицIац сьт жоуэ* (О кургане Ханахо еще говорят, что под ним находится тачанка. Эту тачанку тот-то сделал, или оттуда взялась — я не слышал, чтобы рассказывали. Но слышал, что говорили. Старики говорили, что в кургане Ханахо внутри — золотая тачанка [находится]. Кто ее сделал, какой кузнец сделал, не слышал, чтобы говорили) [Адыгэ хьыбархэр, 1986, с. 311].

Появление дополнительного мотива отражает процесс осложнения и дальнейшего развития сюжета топонимического предания, сопровождающегося преобразованием его художественной формы и появлением, наряду с информационной и номинативной, также эстетической функции. Примером может служить и упомянутое выше предание «Хьеймащэ», сюжет которого осложнен мотивом наказания абреков-конокрадов за их прегрешения. Топонимическое предание дополняется нравственно-этическими смысловыми коннотациями, приобретая при этом черты притчи.

В топонимическом предании «Чеикьуэрэ Сэрэджькьуэрэ» (с. Лечинкай) повествуется о братьях-абреках Чее и Саредже. Согласно сюжету предания, братья решают сделать своими убежищами разные ущелья, чтобы в случае, если одного из них схватят жандармы, другому удалось остаться на свободе. Укрытие одного из братьев — Чея — было обнаружено. Оказавшись окруженным, он решает не сдаваться, завязывает башлыком глаза своему коню и бросается вместе с ним в пропасть. В его честь одно из ущелий получило название «Чеикьуэ» — «Ущелье Чея». Другое же в честь второго брата-абрека названо «Сэрэджькьуэ» — «Ущелье Сареджа» [Записи Л. С. Хагожеевой].

Тенденция осложнения и дальнейшего развития сюжета проявляется также, например, в результате процесса контаминации микротопонимического и этиологического предания, объясняющего историю названия родника и растения. Как правило, такого типа нарративы связаны с именем одного и того же персонажа. В частности, предание «Хьэдзу и псынэ. Хьэдзу и джэнш» («Родник Хадзу. Фасоль Хадзу») [Адыгэ хьыбархэр, 1986, с. 311] состоит из двух частей, в первой из которых объясняется история возникновения топонимического объекта — родника («Родник Хадзу»),

а во второй части излагается история происхождения названия растения — фасоли («Фасоль Хадзу»).

5. Заключение

Топонимические предания представляют собой одну из жанровых разновидностей адыгской несказочной исторической прозы. Определяющими для них являются функция номинации и объяснение названия местности того или иного географического объекта. Топонимические предания условно могут быть разделены на две группы. К первой, наиболее архаичной группе преданий относятся нарративы, описывающие масштабные, имеющие общенародное значение исторические события и связанные с ними знаковые объекты; такие как, например, происхождение названия одного из адыгских субэтнических территорий («Къэбэрдей цӀэр къызыхэкӀар» / «Откуда пошло название «Кабарда»), название реки и селения («КышпӀэк щыжаӀэм и хыбар» / «Предание о том, откуда пошло название Кишпек»). Для преданий этой группы характерен развитый сюжет, осложненный дополнительными мотивами (генеалогическими и т. д.). Доминирующий характер информативной функции в этом типе преданий не исключает присутствия функции эстетической.

Более продуктивной является вторая группа топонимических преданий, которые представляют собой небольшие тексты, как правило, одноэпизодные, обладающие узкой локальной приуроченностью. Как и у первой группы преданий, их основной функцией является объяснение истории возникновения того или иного топонимического объекта. Доминирующей для этого типа топонимических преданий является информативная, в частности номинативная, функция, сопрягающаяся с историей возникновения топонимического объекта. Номинация топонима привязывается к имени его создателя или к происходившему в данном месте событию («Хъэдзу и псынэ» / «Родник Хадзу», «ЧӀеримхэ я тӀыгӀэ» / «Прокоп Керимовых», «Шыдыгъуокъуэ» / «Балка краденных коней» и т. д.). Хронологические рамки этих микротопонимических преданий — события относительно недавнего прошлого. Ареал их распространения ограничен пределами одного селения.

Источники

1. *Адыгэ ГуэрыуатӀхэр* : в 2-х т. / ЗыхэзыльхӀар Къардэнгъуш З. — Налшык, 1969. — Т. 2. — 412 с. (Адыгский фольклор / сост. З. П. Кардангушев). (на каб.-черк. яз.).
2. *Адыгэ хыбархэр* / ЗыхэзыльхӀар, пӀублӀ тхыгӀэр, комментариехэр зыгӀар Мыжей Михаилл / ред. Гъут Идэмш. — Черкесск, 1986. — 360 с. (Адыгские предания / сост., предисл., коммент. М. И. Мижаев / ред. А. М. Гутов). (на каб.-черк. яз.).

3. *Записи* Л. С. Хагожеевой. Информант Мамрешев Адам Хамидович, 1958 г. р. ; Мамрешева Зарета Адамовна, 1987 г. р. с. Лечинкай, КБР, 2020 г.

4. *Кабардинский фольклор* / вступительная статья, комментарии и словарь М. Е. Талпа ; под ред. Ю. М. Соколова. — Москва ; Ленинград : Academia, 1936 (Москва : тип. «Кр. Пролетарий»). — 650 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алиева А. И.* Прозаические жанры в фольклоре адыгов / А. И. Алиева // Прозаические жанры в фольклоре народов СССР. — Минск : [б. и.], 1974. — С. 179—185.

2. *Алиева А. И.* Адыгский фольклор в записях XIX — начала XX вв. / А. И. Алиева // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX — начала XX вв. — Нальчик : Эльбрус, 1988. — Кн. 2. — С. 237—264.

3. *Аникин В. П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы / В. П. Аникин // Русский фольклор. Русская народная проза. — Ленинград : Наука, 1972. — Т. XIII. — С. 6—19.

4. *Берберов Б. А.* Специфика карачаево-балкарских топонимических преданий / Б. А. Берберов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2019. — № 4 (90). — С. 77—83.

5. *Березович Е. Л.* Топонимия и исторические предания : к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации / Е. Л. Березович // Вопросы ономастики. — 2015. — № 1 (18). — С. 108—133.

6. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : Мифопоэтический образ пространства / Е. Л. Березович. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : КомКнига. — 2010. — 240 с.

7. *Габисова С. З.* Топонимические и генеалогические народные предания осетин / С. З. Габисова // Осетинская филология. Современность и традиции. — Владикавказ : [б. и.], 1992. — С. 115—134.

8. *Голованов И. А.* Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX—XXI вв.) / И. А. Голованов. — Челябинск : Энциклопедия, 2009. — 251 с.

9. *Голованов И. А.* Проблема жанровой дифференциации несказочной прозы : коммуникативный аспект / И. А. Голованов // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. — 2008. — Выпуск 27. — № 36 (137). — С. 26—33.

10. *Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.02 / Т. Н. Дмитриева. — Ижевск, 2006 — 850 с.

11. *Климкова Л. А.* Топонимические предания в региональной фольклорной картине мира : социальный и личностный аспекты / Л. А. Климкова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2015. — № 4 (19). — С. 12—19.

12. *Корусенко С. Н.* Генеалогия и “устная история” (к вопросу об источниках) / С. Н. Корусенко // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тезисы докладов и сообщений IV региональной научно-практической конференции. — Омск : [б. и.], 2000. — С. 135—138.

13. *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза : Вопросы генезиса и структуры / Н. А. Криничная. — Ленинград : Наука, 1987. — С. 70—77.

14. *Кругляшова В. П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора / В. П. Кругляшова. — Свердловск : [Уральск. ун-т], 1974. — 168 с.

15. *Кудаева З. Ж.* Мифо-эпическая модель адыгской словесной культуры : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. — Нальчик, 2006. — 42 с.
17. *Кудаева З. Ж.* Легенды : к проблеме определения и классификации жанров адыгской несказочной прозы / З. Ж. Кудаева // Вестник АГУ. — 2019. — № 4. — С. 129—136.
18. *Кузеев Р. Г.* К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) / Р. Г. Кузеев // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1968. — Т. III. — С. 228—248.
19. *Курбанов М. М.* К вопросу о специфике и классификации жанров несказочной прозы / М. М. Курбанов // Известия ДГПУ. — 2008. — № 2. — С. 12—18.
20. *Лазарев А. И.* Предания рабочих Урала как художественное явление / А. И. Лазарев. — Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1970. — 202 с.
21. *Померанцева Э. В.* Соотношение эстетической и информативной функции в разных жанрах устной прозы / Э. В. Померанцева // Проблемы фольклора. — Москва : Наука, 1975. — С. 75—81.
22. *Пропп В. Я.* Жанровый состав русского фольклора / В. Я. Пропп // Фольклор и действительность. — Москва : Наука, 1976. — С. 46—82.
23. *Сокил В. В.* Топонимические легенды и предания украинцев Карпат : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / В. В. Сокил. — Минск, 1990. — 20 с.
24. *Соколова В. К.* Типы восточнославянских топонимических преданий / В. К. Соколова // Славянский фольклор. — Москва : Наука, 1972. — С. 202—233.
25. *Тихонова Е. Л.* Топонимическая номинация как ориентир в коммуникативном пространстве (на примере фольклорной прозы) / Е. Л. Тихонова // Вестник бурятского государственного университета. — 2016. — Выпуск 2. — С. 223—230.
26. *Хажуев А. А.* Топонимы Малой Кабарды / А. А. Хажуев. — Нальчик : Тетраграф, 2014. — 189 с.
27. *Хут Ш. Х.* Несказочная проза адыгов / Ш. Х. Хут. — Майкоп : Адыг. отд. Краснодарского кн. изд-ва, 1989. — 336 с.
28. *Ципинов А. А.* Народная историческая проза адыгов / А. А. Ципинов. — Нальчик : Эль-Фа, 2000. — 157 с.
29. *Kudaeva Z. Zh.* Mythopoetic basis of Sosruco character (by the Adyghe version of nart saga) / Z. Zh. Kudaeva, M. Ch. Kremshokalova, D. V. Sokaeva, G. R. Khusainova, M. F. Bukhurov, L. S. Khagozheeva // Dilemas contemporáneos : Educación, Política y Valores. — 2019. — Vol. 6, Iss. 58. — 33 p.

GENRE FEATURES AND TYPES OF ADYGHE TOPONYMIC LEGENDS

© **Zinaida Zh. Kudaeva (2020)**, orcid.org/0000-0002-0255-4432, Doctor of Philology, professor, Department of Russian and Foreign Literatures, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov” (Nalchik, Russia), zina_777@bk.ru.

© **Liana S. Khagozheeva (2020)**, orcid.org/0000-0003-1811-5183, PhD in Philology, junior research scientist, Sector of Adyghe folklore, The Institute for the Humanities Research — Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Cen-

ter “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Nalchik, Russia), liana1771@mail.ru.

The article examines the Adyghe toponymic traditions. The relevance of the work is that it addresses one of the complex theoretical problems of modern Russian folklore — the definition of differentiating genre features of works of oral folk prose. The authors proceed from the fact that the identification of genre characteristics of Adyghe toponymic legends should contribute to the creation of a generalizing genre system of Adyghe folk non-fairy prose. The novelty of the research consists in determining the genre features of Adyghe toponymic legends and their classification. In the continuum of Adyghe toponymic traditions, two groups are distinguished: the traditions of the first group are archaic, they tell about the events of the distant past and are known throughout the entire ethnic territory. It is shown that the plot of this type of legend is expanded, complicated and includes a number of additional motives — the history of migration and settlement of the current territories by the people, genealogical excursions. It is noted that another group of toponymic legends is associated with events of the recent past and has a narrow local connectedness. The marker of historical authenticity of the described facts and events is an indication of real historical persons who act as characters in the legend. It is argued that the plot of this type of legend is not developed, they are usually one-episode, and the area of distribution of this group of legends is usually limited to one locality.

Key words: folklore; Adyghe; toponymic legends; classification; motif.

MATERIAL RESOURCES

- Kardangushev, Z. P. (sost.). (1969). *Adygskiy folklor: v 2-kh t., 2*. Nalshyk. (In Kab.-cherk.).
Gutov, A. M. (ed.) (1986). *Adygskiy predaniya*. Cherkessk. (In Kab.-cherk.).
Sokolov, Yu. M. (ed.) (1936). *Kabardinskiy folklor*. Moskva; Leningrad: Academia (Moskva: tip. «Kr. Proletariy»). (In Russ.).
Zapisi, L. S. (2020). *Khagozheevoy. Informant Mamreshev Adam Khamidovich, 1958 g. r.; Mamresheva Zareta Adamovna, 1987 g. r. s. Lechinkay, KBR*. (In Russ.).

REFERENCES

- Aliyeva, A. I. (1974). Prozaicheskiye zhanry v folklore adygov. In: *Prozaicheskiye zhanry v folklore narodov SSSR*. Minsk: [b. i.]. 179—185. (In Russ.).
Aliyeva, A. I. (1988). Adygskiy folklor v zapisyakh XIX — nachala XX vv. In: *Folklor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX — nachala XX vv., 2*. Nalchik: Elbrus. 237—264. (In Russ.).
Anikin, V. P. (1972). Khudozhestvennoye tvorchestvo v zhanrakh nesказochnoy prozy. In: *Russkiy folklor. Russkaya narodnaya proza, XIII*. Leningrad: Nauka. 6—19. (In Russ.).
Berberov, B. A. (2019). Spetsifika karachayevo-balkarskikh toponimicheskikh predaniy. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN, 4 (90): 77—83*. (In Russ.).
Berezovich, E. L. (2010). *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskiy obraz prostranstva*. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
Berezovich, E. L. (2015). Toponimiya i istoricheskiye predaniya: k voprosu o vzaimodeystvii razlichnykh versiy etnokulturnoy informatsii. *Voprosy onomastiki, 1 (18): 108—133*. (In Russ.).
Dmitriyeva, T. N. (2006). *Toponimiya basseyna reki Kazym: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. Izhevsk. (In Russ.).
Gabisova, S. S. (1992). Toponimicheskiye i genealogicheskiye narodnyye predaniya osetin. *Osetinskaya filologiya. Sovremennost' i traditsii*. Vladikavkaz: [b. i.]. 115—134. (In Russ.).

- Golovanov, I. A. (2009). *Konstanty folklorного soznaniya v ustnoy narodnoy proze Urala (XX—XXI vv.)*. Chelyabinsk: Entsiklopediya. (In Russ.).
- Golovanov, I. A. (2008). Problema zhanrovoy differentsiatsii neskazochnoy prozy: kommunikativnyy aspekt. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya i iskusstvovedeniye*, 27 / 36 (137): 26—33. (In Russ.).
- Khazhuyev, A. A. (2014). *Toponimy Maloy Kabardy*. Nalchik: Tetragraf.
- Khut, Sh. Kh. (1989). *Neskazochnaya proza adygov*. Maykop: Adyg. otd. Krasnodarskogo kn. izd-va.
- Klimkova, L. A. (2015). Toponimicheskiye predaniya v regionalnoy folklornoy kartine mira: sotsialnyy i lichnostnyy aspekty. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 4 (19): 12—19. (In Russ.).
- Korusenko, S. N. (2000). Genealogiya i “ustnaya istoriya” (k voprosu ob istochnikakh). In: *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i istoricheskogo krayevedeniya v vuzovskom kurse otechestvennoy istorii: tezisy dokladov i soobshcheniy IV regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk: [b. i.]. 135—138. (In Russ.).
- Krinichnaya, N. A. (1987). *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: Voprosy genezisa i struktury*. Leningrad: Nauka. 70—77. (In Russ.).
- Kruglyashova, V. P. (1974). *Zhanry neskazochnoy prozy uralskogo gornozavodskogo folklor*. Sverdlovsk: [Uralsk. un-t]. (In Russ.).
- Kudayeva, Z. Zh. (2006). *Mifo-epicheskaya model' adygsКОЙ slovesnoy kultury: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Nalchik. (In Russ.).
- Kudayeva, Z. Zh. (2019). Legendy: k probleme opredeleniya i klassifikatsii zhanrov adygsкой neskazochnoy prozy. *Vestnik AGU*, 4: 129—136. (In Russ.).
- Kudayeva, Z. Zh., Kremshokalova, M. Ch., Sokayeva, D. V. Khusainova, G. R., Bukhurov, M. F., Khagozheyeva, L. S. (2019). Mythopoetic basis of Sosruco character (by the Adyghe version of nart saga). *Dilemas contemporaneos: Educaci3n, Politica y Valores*, 6 (58).
- Kurbanov, M. M. (2008). K voprosu o spetsifike i klassifikatsii zhanrov neskazochnoy prozy. *Izvestiya DGPU*, 2: 12—18. (In Russ.).
- Kuzeyev, R. G. (1968). K etnicheskoy istorii bashkir v kontse I — nachale II tysyacheletiya n. e. (opyt sravnitelno-istoricheskogo analiza shezhere, istoricheskikh predaniy i legend). In: *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii, III*. Ufa. 228—248. (In Russ.).
- Lazarev, A. I. (1970). *Predaniya rabochikh Urala kak khudozhestvennoye yavleniye*. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Pomerantseva E. V. (1975). Sootnosheniye esteticheskoy i informativnoy funktsii v raznykh zhanrakh ustnoy prozy. In: *Problemy folklor*. Moskva: Nauka. 75—81. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1976). Zhanrovyy sostav russkogo folklor. In: *Folklor i deystvitel'nost'*. Moskva: Nauka. 46—82. (In Russ.).
- Sokil, V. V. (1990). *Toponimicheskiye legendy i predaniya ukraintsev Karpat: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Minsk.
- Sokolova, V. K. (1972). Tipy vostochnoslavnyanskikh toponimicheskikh predaniy. In: *Slavyanskiy folklor*. Moskva: Nauka. 202—233.
- Tikhonova, E. L. (2016). Toponimicheskaya nominatsiya kak oriyentir v kommunikativnom prostranstve (na primere folklornoy prozy). *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2: 223—230.
- Tsipinov, A. A. (2000). *Narodnaya istoricheskaya proza adygov*. Nalchik: El-Fa.